

БУЛГАРИН

принадлежит народу?

Учительская газета. - 1991. - 31 дек. - с. 4

«Выдающаяся личность», «интересный, загадочный человек», обладавший «незаурядной политической прозорливостью», «первооткрыватель почти во всех жанрах», «автор, стоящий у истоков рождения русского исторического романа»... Не догадываетесь, о ком речь? И не догадаетесь: все эти блестящие эпитеты посвящены Булгарину. Да, да, тому самому Фаддею Венедиктовичу.

Дело в том, что издательство «Современник» с небольшим опозданием отметило двухсотлетний юбилей «корифея русской словесности», выпустив том его сочинений почти стотысячным тиражом.

Я вовсе не против переиздания. Но... Ни совесть, ни история русской литературы и общественной жизни не позволяют согласиться с общей направленностью большой вступительной статьи Н. Львовой (она же составитель).

Посочувствовав «всеми бранимому» Фаддею, автор не приводит ни единого резкого отзыва о нем, ни одной эпиграммы — а они, вероятно, могли бы составить целую книгу.

Н. Львова тщится не только реабилитировать эту одиозную фигуру, но и возвысить его как личность. Задача, думаю, неблагодарная.

Кто такой Булгарин? Выходец из польских дворян, он после раздела Польши оказался подданным России. Окончив кадетский корпус, в 1805—1807 годах воевал против Наполеона. Позже бежал в Польшу, записавшись в польский легион, входивший в состав армии Наполеона, и в 1812 году выступал уже против России (Н. Львова ставит это под сомнение — современники не сомневались). В 1814-м во Франции взят в плен немцами и возвращен в Варшаву. В 1819-м «отставной французской службы капитан» появляется в Петербурге, провозгласив себя русским патриотом и либералом. Ищет расположение Грибоедова, Рылеева и одновременно — подлаживается к правительству. После восстания декабристов Булгарин — тайный агент или осведомитель Третьего отделения, ревностный защитник самодержавия. Неустанно всю жизнь строил доносы, прямые и литературно-фельетонные — на Пушкина, Вяземского, Погодина, Белинского, Некрасова, обвиняя их в политической неблагодарности, в аристократизме, антипатриотизме и проч. Несомненно, был одним из создателей «массовой культуры». За каждый опус о Выжигине получал в награду по бриллиантовому перстню от государя. Умер в чине действительного статского советника, соответствующем как минимум генеральскому, нажив к тому времени громадный капитал.

«Булгарин обладал независимым нравом», — утверждает Н. Львова. Но «после 14 декабря, в Турецкую войну и во время холеры, когда умы были в волнении, я писал и печатал статьи по указанию и воле Александра Христофоровича (Бенкендорфа — шефа жандармов. — Г. Я.) для успокоения умов», — исповедуется сам журналист.

Стремясь вызвать сочувствие к Булгарину, Н. Львова предпочитает эвфемизмы, уместные отнюдь не в данном случае. Изгнанный из армии, будущий издатель в Ревеле «страшно бедствовал», немногословно сообщает она. Иными красками рисует это П. Нащокин. В военном мундире Булгарин «...выходил на городской бульвар, где с опухлой, безобразной рожой протягивал гуляющим руку, прося милостыни, хотя неодинаково с прочими, но в вычурных литературных оборотах».

Известно, что «полицейский Фаддей» предал декабриста А. Корниловича — донес о его тайных связях с австрийским двором. «Но, может быть, Булгарин стремился помешать в чем-то австрийской разведке и действовал как патриот, во

благо России?» — спешит со своей оправдательной версией автор вступительной статьи. А чем оправдать такой факт: благонамеренный дядюшка выдал полиции Д. Искрицкого, декабриста, собственного племянника. Да что говорить о частных случаях предательства, если вся политическая жизнь перебежчика убеждала умных современников в беспринципности и продажности фигляра? Послушаем Лермонтова:

Россию продает Фаддей
Не в первый раз, как вам известно.
Пожалуй, он продаст жену,
детей,
И мир земной, и рай небесный.
Он совесть продал бы
за сходную цену,
Да жаль — заложена в казну.

«Где хорошо, там и отечество» — этой формулой Пушкин презрительно обозначил сущность булгаринского «патриотизма».

Между тем, если верить Н. Львовой, до 1830 года «взаимное уважение Пушкина и Булгарина... не оставляло сомнений». Но «свободой русской литературы» поэт назвал Фаддея еще в 1824 году.

В статье Н. Львовой смещены события, сроки, причины и следствия. Нас уверяют, что Пушкин, опубликовав две статьи под псевдонимом Феофилакты Косичкина, «очень обидел потрясенного романиста, ответившего ему предерзкой статьей «Анекдот», а затем отрицательной рецензией на VII главу «Онегина». На самом же деле очередной клеветнический, крайне оскорбительный для великого поэта фельетон под названием «Анекдот» Булгарин напечатал в марте 1830-го. А статьи Косичкина, в которых Пушкин использовал документальный антибулгаринский материал, накопленный за несколько лет, созданы в 1831-м.

На «Анекдот» же поэт ответил эпиграммами и разоблачительной статьей «О записках Видока». В этой фигуре благодаря сходству некоторых биографических черт Булгарина и Видока — французского сыщика, палача, дезертира и уголовника, — осведомленные читатели легко распознавали лицо издателя «Северной пчелы».

Восхваляя роман «Дмитрий Самозванец», Н. Львова укоризненно вздыхает: «Пушкин подумал, что Булгарин способен на плагиат». Да, у русского гения были основания считать, что ряд сцен Булгарин позаимствовал из «Бориса Годунова», неофициальным цензором которого он был. У профессора Н. А. Иванова Булгарин «позаимствовал» книгу, издав ее под своим именем.

Посчитав, видимо, что ей удалось реабилитировать Булгарина как личность, Н. Львова воздает хвалу его литературному гению. И выходит, что влияние Булгарина на творчество Лермонтова, Гоголя, Белинского, Герцена, Достоевского неощутимо. Все они, судя по всему, вышли из его, булгаринской, шинели.

Пушкин и Булгарин, Лермонтов и Булгарин — это разные принципы и концепции жизни и творчества (о таланте не говорю), это — полная несовместимость. Так что ни о каком сближении этих имен не может быть и речи.

Мы живем в эпоху бесконечной переоценки ценностей. Многим забытым или насильственно исключенным из людской памяти прекрасным писателям вернули доброе имя, читателям — восхитительные книги. Переоценка закономерна и необходима, спору нет, но, переусердствовав до неприличия и превратив эту переоценку в самоцель, не докатимся ли мы до того, что в жажде каждодневных сенсаций объявим нечто заведомо черное или серое ослепительно белым?

Г. ЯКОВЛЕВ,
учитель литературы
716-й московской
школы.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы рады, что на наших страницах учителя литературы стали говорить собственно о литературе.

«УГ» разделяет пафос заметки. Однако объективности ради напомним нашим читателям известные факты:

Рылеев передал свой архив на хранение Булгарину (и тот его сохранил);

Грибоедов подарил ему оригинал «Горя от ума»;

тираж булгаринской прозы превышал в два раза тиражи пушкинского «Евгения Онегина».

Хотя мы согласны с автором, придерживающимся точки зрения Натана Эйдельмана о Булгарине как основателе массовой литературы в России. «Квасной патриотизм», как выразился Петр Вяземский, верноподданные мотивы, интригующий сюжет и немножко, но клубнички — вот, собственно, классический набор признаков литературы подобного сорта.

Возможно, у читателей возникнут другие мнения. «УГ» предлагает им высказаться.